

ЖИЗНЬ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

В. М. Мокиенко

THE LIFE OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGY IN THE CONTEMPORARY SPEECH

V. M. Mokienko

В статье анализируются различные аспекты функционирования фразеологии в современной русской речи. Отмечается активизация употребления фразеологических единиц (ФЕ) в живой речи и средствах массовой информации, объясняются экстралингвистические причины этого явления, в том числе и влияние на этот процесс компьютерной технологии. Анализируются наиболее актуальные проблемы и задачи современной фразеологии:

- 1) анализ функционирования ФЕ в современной литературе, прессе и других средствах массовой информации;
- 2) разработка диахронических методов анализа фразеологии;
- 3) исследование способов фиксации, квалификации и интерпретации фразеологической неологии;
- 4) широкое обследование диалектной, просторечной и жаргонной фразеологии;
- 5) внимание к проблеме культуры речи в современных условиях.

The article deals with the different aspects of the function of the phraseology in the contemporary Russian speech. The author emphasizes the activation of the phraseological units in the live speech and mass-media, explains the extralinguistical reasons of this phenomenon, including the influence of the computer technology on the process. The most actual problems and tasks of the phraseology are analysed:

- 1) investigating the phraseological units function in the modern literature, publicistics and another mass-media;
- 2) working out the diachronical methods of phraseology analysis;
- 3) Investigating the ways of the fixation, qualification and interpretation of the phraseological neologies;
- 4) investigating of the dialectal, colloquial and slang phraseology;
- 5) researching the problem of speech culture in the contemporary circumstances.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица (ФЕ), актуальные проблемы изучения фразеологии, функционирование фразеологии в речи и средствах массовой информации, синхронические и диахронические аспекты изучения фразеологии, фразеология и культура речи.

Keywords: phraseology, phraseological unit, actual problems of researching phraseology, function of the phraseology in the speech and in the mass-media, synchronical and diachronical aspects of researching phraseology, phraseology and speech culture.

Современная русская речь – как письменная, так и устная, в том числе и «интернетно-виртуальная» – стимулирует активное употребление фразеологических единиц (ФЕ). Конечно, фразеология как особый уровень языковой системы, насыщенный экспрессивностью, всегда была востребована и писателями, и журналистами, и носителями любого языка. Но в России последнее двадцатилетие можно без преувеличения назвать эпохой *Фразеологизации всей страны*, ибо экспрессивный потенциал ФЕ достиг, пожалуй, своего апогея. Причины особой востребованности фразеологии известны: демократизация российского общества, раскрепощение от цензуры, вульгаризация речевого и литературного стандарта, расшатывание литературной нормы, слияние языка средств массовой информации с речевым узусом. Главная же стратегическая причина этого явления – востребованность Слова в новых социальных условиях. Слово стало действенным, и потому оно уже необходимо и политикам, и предпринимателям, и ораторам на Болотных и других площадях.

При всей нынешней социальной обусловленности фразеологический бум не был для лингвистов неожиданностью. К нему мы оказались готовы с 1946 года, когда на филологическом факультете Ленинградского университета В. В. Виноградов прочитал свой доклад «Основные понятия русской фразеологии как лингви-

стической дисциплины» [2, с. 45 – 69], обративший внимание на особый статус молодой лингвистической дисциплины. К настоящему времени насчитывается свыше 200 тысяч публикаций по фразеологии разных языков и наблюдается активная фразеологизация современной Европы – сейчас особенно романских языков.

За неполные 70 лет фразеология претерпела существенные изменения. Почти сразу же стало заметно постепенное переключение проблематики с общетеоретической (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. Л. Архангельский, А. В. Федоров, А. В. Кунин и др.) на её «специализацию» – как языковую (фразеологическая славистика, германистика, романистика, ориенталистика), так и «отраслевую»: фразеология художественных и публицистических текстов, диалектная и социолектная фразеология, сопоставительная фразеология, фразеология и перевод, когнитивная фразеология, фразеография и др.

Особую роль, как кажется, в призвании «фразеологического варяга» в современную мировую лингвистику сыграли потребности машинного перевода и развитие компьютерных технологий. Именно *идиоматичность* стала не только пробным камнем, но и камнем преткновения при реализации заманчивых транслятологических проектов. Как вспоминает Дж. Ковенховен (John Kouwenhoven) в своей статье „The trouble with Translation“, опубликованной в августе

1962 года в журнале «Harper's magasin», цитированной в книге В. А. Звегинцева «Теоретическая и прикладная лингвистика» [3, с. 192], с одним из таких проектов уже на заре машинного перевода произошёл курьёзный казус. Полковник Вернер Уолтерс (Werner Walters), переводчик при президенте Д. Эйзенхауэре, рассказывал, как президенту демонстрировали первые опыты машинного перевода (на вычислительной машине с памятью 1500 слов). Руководитель группы попросил Д. Эйзенхауэра предложить фразу для перевода. Когда президент привёл именно идиому – *Out of sight, out of mind*, то машина перевела её не как *С глаз долой – из сердца вон* (ср. нем. *aus den Augen – aus dem Sinn* и др.), а буквально: «невидимый идиот». Лингвисты, обслуживающие компьютер, попросили президента предложить менее идиоматичную фразу – какое-либо законченное высказывание. И Д. Эйзенхауэр процитировал Библию: „*The spirit is willing, but the flesh is weak*“. Если бы машина могла различать функционально-семантические коннотации, то правилом был бы перевод *Дух силен, но плоть слаба* (ср. нем. *der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach*). Машина, однако, перевела библейскую мудрость так: «*Водка держится хорошо, а мясо испортилось*».

Компьютер, естественно, действовал по законам частотности обрабатываемой им лексики, не учитывая таких факторов, как *устойчивость* и *идиоматичность* словосочетаний. Парадоксально при этом, что обе фразы президента обладали не слишком высокой идиоматичностью и являются интернационализмами. Ср. европейские эквиваленты к первой фразе: укр. *зійде з очій, зійде і з думки*, нем. *aus den Augen, aus dem Sinn*; фр. *loin des yeux, loin du coeur*; ит. *lontano degli occhi, lontano del cuore* и др. Или – переводы из Библии других языков: укр. *Бадьтрий бо дух, але нимічне тіло*; рус. *Дух бодр, плоть же немощна*, нем. *Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach* (Матфей. 26, 41; Марк 14, 38).

Обращение современной лингвистики к фразеологии открыло в ней и её функционировании ряд парадоксальных оппозиций. Глобальный парадокс кроется в факте, что, с точки зрения «чистой» номинации, знаковости, идиома является избыточной языковой единицей, но в то же время с социальной и эстетической точки зрения она необходима каждому языку, даже такому искусственному, как эсперанто. Эта функциональная противоречивость фразеологии отражается и в чисто языковой, структурно-семантической противоречивости. В структурном отношении ФЕ членима, т. е. состоит из двух или более компонентов. В семантическом смысле эта единица монолитна и обычно соответствует одному слову, что даёт возможность при переводе заменять фразеологизмы экспрессивными лексемами. Динамика фразеологической системы, как я попытался показать в своей книге «Славянская фразеология» [8; 14], создаётся взаимодействием таких оппозиций, как «устойчивость – неустойчивость», «моделируемость – немоделируемость», «имплицитность – эксплицитность», «образность – безобразность», «экспрессивность – нейтральность». Разумеется, можно число таких оппозиций увеличить – напр., в русле популярных ныне поисков

языковой картины мира за счёт противопоставления «национальное – интернациональное».

Осознание универсальности фразеологии как необходимой части любой языковой системы с одной стороны, и отмеченная выше социальная востребованность в современных условиях и сделали её объектом интенсивного исследования.

Какие же проблемы фразеологии, вытекающие из её востребованности, требуют сейчас решения?

1. В первую очередь, необходимы фронтальные **исследования функционирования ФЕ** в современной литературе, прессе и других средствах массовой информации. Конечно, в них, как показывает наш предварительный анализ [4; 5], найдут своё место и традиционные описания структуры и семантики этих языковых единиц, но особое внимание следует уделить их речевым и авторским трансформациям, выявить закономерности и типологию фразеологических преобразований, а также стимулы, подталкивающие носителей языка к языковой игре и словесной креативности. Ведь даже коммуникативные неудачи в такого рода экспериментах или вульгаризированный «стёб» являются попыткой обращения к фразеологии как одному из мощных творческих ресурсов языковой системы.

Традиционная проблема «Фразеология и язык писателя (resp. журналиста)» в новых условиях несколько смещает акцент исследования: особое значение приобретает не описание индивидуальных предпочтений художника слова, а типология трансформаций фразеологии его произведений и анализ жанровой специфики фразеопотреблений. Особое внимание здесь должно быть уделено и стилистическому нюансированию фразеологии в художественном и публицистическом употреблении, а также взаимодействию «норма – антинорма» в современной фразеологической системе

2. Актуальной задачей современных фразеологических исследований, как это ни парадоксально, является возвращение к диахроническим методам анализа, к работам **историко-этимологического характера**. Историческая фразеология как необходимая составная часть сравнительно-исторического языкознания давно привлекает внимание этнографов, фольклористов и лингвистов. М. И. Михельсон, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Н. И. Толстой, А. Г. Назариан, Ю. А. Гвоздарев, Н. М. Шанский, G. Büchmann, Wander, R. Eckert, W. Eismann, L. Röhrich, W. Mieder и другие исследователи хотя и по-разному подходили к этой проблеме, но внесли немалый вклад в разгадку внутренней формы фразеологии разных европейских языков, в том числе и русского.

К сожалению, тотальное увлечение когнитивизмом в течение последнего двадцатилетия привело к описаниям концептов и языковой картины мира с синхронных позиций. При несомненной полезности таких трудов, без диахронической основы, многие постулаты о «загадочной русской душе» оказались субъективными, квота национального в русской идиоматике сильно преувеличивается. Именно лингвистический подход ретроспективного типа может объективировать наши представления о русской языковой картине мира, о гендерном равновесии или дисбалан-

се, о соотношении собственно языкового и культурологического во внутренней форме конкретных ФЕ.

Многие русские фразеологизмы по-разному, как старался показать автор этих строк [7; 9; 10 и др.], отражают соотношение нашей национальной культуры и нашего национального языка. Одни из них (напр., *заговаривать зубы, не мытьём, так катаньем, прощя пареной репы, не лыком шит* и др.) без особых историко-этимологических изысков можно отнести к этно-фольклорным элементам нашей культуры. Другие уже давно стали лишь поводом для «национально-этнографических» и «исторических» комментариев: *трусю праздновать, положить зубы на полку, заткнуть за пояс, узнать всю подноготную, во всю ивановскую, бить баклуши, ладаном пахнуть, оказаться в тупике, стрелять из пушки по воробьям* и др. Третьи остаются до сих пор не разгаданными фразеологическими загадками, которые требуют аргументированной историко-этимологической расшифровки: *у чёрта на куличках, сбить с панталыку, ни зги, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, бить как Сидорову козу, стоять как вкопанный, вилами по воде писано, У семи нянек дитя без глаза, И на старуху бывает проруха, под колпаком* и др. К сожалению, и когнитологи, и популяризаторы весьма неразборчивы при интерпретации выражений последнего рода. В самых авторитетных справочниках можно найти произвольное объяснение этих ФЕ без приведения доказательств в пользу той или иной интерпретации. Вот почему было предложено сводное лексикографическое описание историко-этимологических толкований русской фразеологии [1] с попыткой собственно лингвистической аргументации той или иной расшифровки внутренней формы ФЕ.

До сих пор на трудах историко-этимологической направленности лежит печать этнографизма, т. е. культурологическим фактам при анализе внутренней формы отдаётся предпочтение перед чисто языковыми фактами. Опыт показывает, однако, что объективная ресшифровка исходной формы и содержания ФЕ достигается собственно лингвистической методикой – методом структурно-семантического моделирования [6, с. 21 – 34; 8 и др.]. Этот метод позволяет не только раскрыть внутреннюю форму ФЕ, но и отделить в нашей фразеологической системе исконное (напр., *во всю Ивановскую, зарубить на носу, обуть в лапти, прощя пареной репы*) от неисконного (напр., германизмов, типа *задать пфефферу, положить в долгий ящик*; галлицизмов типа *быть не в своей тарелке, пускать пыль в глаза, заморить червячка* или американизмов типа: *в одной лодке, менять коней на переправе* и др.).

3. Не менее актуальная задача современной фразеологии – фиксация, квалификация и интерпретация **фразеологической неологикки**. Состав фразеологических неологизмов весьма разнороден, здесь особо ощущается смешение «своего» и «чужого» и волна вульгаризации, вздымаемая жаргоном и просторечием. В этот поток втянуты и стилистически более или менее нейтральные обороты типа политических клише *в одной лодке, менять коней на переправе, утечка мозгов* и (значительно более ощутимые) выражения с вульгарным окрасом: *на халяву, до фени, вешать*

лапшу на уши; баки заколачивать, закрыть варежку, под балдой и т. п. Поскольку многие из них уже стали фактом литературного и публицистического употребления, они также требуют лингвистического анализа и толерантного подхода. При этом споры о пространственных (resp. межъязыковых) и хронологических границах фразеологической неологии (ср.: [12, с. 133 – 156]) не должны отвлекать исследователей от фронтального сбора соответствующего материала, что теперь значительно облегчается компьютерными средствами.

4. Объективное представление о современной фразеологической системе невозможно без тщательного обследования диалектной, просторечной и жаргонной фразеологии. В сущности, любой национальный фонд ФЕ развивается именно благодаря постоянному притоку устойчивых сочетаний из этих 3 каналов живой речи. Если для русского литературного языка XVIII века, когда произошло судьбоносное сближение письменного стандарта со стихией устной речи, основными «динамизаторами» новой нормы являлись диалекты и просторечие, то в наше время эту роль играет жаргонная фразеология. Фразеологические жаргонизмы, благодаря смене поколений, языковой раскрепощённости нашего общества и оперативности средств массовой информации и Интернета, быстро превращаются в инержаргонизмы и вливаются в общий поток новой кодифицированной речи. Более того, многие фразеологические жаргонизмы стали доминантными символами социальных процессов советского и постсоветского общества – таковы, напр., обороты *по блату, до лампочки, полный беспредел, вешать лапшу на уши, мочить в сортире, на халяву*. Каждая такая жаргонная доминанта заслуживает самостоятельного исследования (ср., напр., об истории выражения *вешать лапшу на уши*: [11, с. 29 – 41]), ибо вскрывает самые болезненные точки современной российской жизни. Уже поэтому изучение и лексикографическое описание фразеологических жаргонизмов становится актуальным.

5. Неизменно актуальной проблемой фразеологии остаётся **проблема культуры речи** в современных условиях. Конечно, здесь необходимо отдавать дань и традиционной заботе о «правильном» употреблении ФЕ, поскольку не только в живой речи, но и в языке писателей и журналистов можно найти явные ошибки, свидетельствующие о подмене правильной формы и значения неправильными. Таковы случаи искажения исходной формы выражения – напр., *пока суд да дело – суть да дело, сбрасывать со счётов – со счёта; играть роль – играть значение* и т. п. Сюда же относятся и «классическая» проблема правописания различных разрядов фразеологизмов: неупорядоченность пунктуации при оформлении устойчивых сравнений; раздельное или слитное написание некоторых наречий или наречных ФЕ (*впросак, вдребезги, но в лок, в дым*); написание оборотов с компонентами-именами собственными (*валять Ваньку, кричать во всю Ивановскую, бить как Сидорову козу, Иван непомнящий (Непомнящий)*) и др. К традиционным и не менее «скандальным», чем пресловутые *йогурт* и *кофе* объектам культуры речи во фразеологии относятся и случаи надуманной «[псевдо]правильности» – типа всё

ещё дискуссионного *попал как кур во щи*, реконструированного в 60-е годы искусственно, а потому «правильно» лишь в кавычках, писателем Б. Н. Тимофеевым. Попытка справочника по фразеологии с такого рода «корректирующей» информацией была сделана автором этих строк в рамках серии «Давайте говорить правильно», инициированной Л. А. Вербицкой [13].

К проблеме культуры речи во фразеологическом ключе относится, несомненно, и комментирование стилистического перепада, вызванного общей вульгаризацией нашего языка. Здесь одними запретительными мерами не обойтись, необходим тонкий и основательный анализ стилистической дисгармонии, вызываемой такой вульгаризацией и привлекательные для носителей речи предложения по компенсации фразеологических вульгаризмов единицами иных тоналностей.

Литература

1. Бирих, А. К., Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.; – 4-е изд., стереотипн. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.
2. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819 – 1944. Секция Филологические науки. – Л., 1946.
3. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1967.
4. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.; изд. 3-е. – М.: Русские словари: Астрель, 2005. – 855 с.
5. Мелерович, А. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
6. Мокиенко, В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2.
7. Мокиенко, В. М. Вглубь поговорки / В. М. Мокиенко. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с. – 7-е изд. – СПб.: Авалонь: Азбука-классика, 2010. – 170 с.
8. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с. – 2-е изд. – М., 1989. – 287 с.
9. Мокиенко, В. М. Образы русской речи / В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с. – 3-е изд., исправленное. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 462 с.
10. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
11. Мокиенко, В. М. Лапша на ушах как зеркало «новой русской» революции / В. М. Мокиенко // Russistik. – 1996. – № 1 – 2.
12. Мокиенко, В. М. Фразеологические неологизмы в славянских языках / В. М. Мокиенко // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. – Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Folologii Polskiej, 2000.
13. Мокиенко, В. М. Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник / В. М. Мокиенко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 286 с.
14. Mokienko, V. Fraseología eslava. Manual universitario para a especialidade de lingua e literatura rusas / V. Mokienko. – Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. – 504 p.

Информация об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского университета; профессор Университета имени Эрнста Морица Арндта (Германия); почётный профессор Оломоуцкого университета (Республика Чехия), председатель фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, 8 (812)5332320, mokienko40@mail.ru.

Mokienko Valerij Mihailovich – Doctor of Philology, Professor at the Departement of Slavic Philology of Saint Petersburg State University; Prof. Dr. h.c. em. of the Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald (Germany); Honorary Professor of the Olomouc University (Czech Republic); President of the Phraseological Comission at the International Slavists.Committee.